

Прочитала я недавно в «Советской России» статью эстонского профессора Тийта Маде «Подозреваются... все русские», и не было предела моему возмущению. Захотелось тоже взяться за перо и рассказать, что я, коренная жительница далекого камчатского севера, ительменка по национальности, знаю о русских людях, о русской душе.

Эстонский профессор Тийт Маде утверждает на весь мир, что редко можно найти приятного, «дружелюбного и добродушного русского...», что они имеют наезднический склад характера, «у них появилась плохая привычка жить за счет соседей и поэтому меньше работать и напрягаться...».

Скажу откровенно, мне не доводилось еще читать более наглой и вздорной чуши, чем эта.

Не знаю, каков личный опыт общения с русскими знатока русской души, профессора Тийта Маде, а я их знаю не по наслышке, и с самых молодых своих лет. И совсем с другой стороны. Как самый отзывчивый, доброжелательный и трудолюбивый народ.

Шел 1924 год, когда к нам, в маленькое село Сопочное, расположенное на западном побережье Камчатки, приехал первый русский. Это был учитель Дубков. К сожалению, его имя и отчество я забыла. Но хорошо помню, как он рассказывал нам о Советской власти, о революции, о новой жизни, зарю которой вставала там, далеко от нас, на загадочной Большой земле. Он учил наших детей читать и писать, говорить по-русски.

Трудно, бедно жил в то время наш народ. Магазинов не было, и денег мы еще не знали. Сдавали пушнину в обмен на мануфактуру и кое-какую продукцию: сахар, муку, крупу, соль. Вот, пожалуй, и все. Но в долгие зимние месяцы, как правило, все это быстро кончалось и сидели тогда на одной юколе (сухая рыба) и мясе морзверя (нерпа). Это в лучшем случае.

Большим праздником было для нас — прийти в гости к Дубкову. Он угощал нас хлебом и сахаром. И рассказывал, как русские крестьяне выращивают этот хлеб.

Мы видели, как нелегко живется и ему, русскому, в таких непривычных для него условиях. К тому же, он плохо понимал наш трудный, гортанный язык.

Контакты с нами, детьми, Дубков налаживал сразу же самые тесные, и мы крепко привязались к нему, нашему доброму русскому учителю. Да и взрослые полюбили его. Однако он был уже пожилым человеком и через шесть лет к всеобщему сожалению уехал домой.

Вскоре приехал к нам другой, молодой учитель Петр Николаевич Трапицын. Мы и его все полюбили. Он был такой же добрый, общительный, веселый человек, как и Дубков. Да еще замечательный гармонист. Как мы с ним пели русские песни, частушки, плясали русские и ительменские танцы! Ставили детские пьесы, спектакли. Смотреть ходило все село. Для нас, местных жителей, не знавших еще ни радио, ни телевидения, ни театров, это был первый большой университет.

Петр Николаевич привозил с большой земли семена капусты, репы, моркови, свеклы и учил нас, потомков рыбаков

и оленеводов, небывалому для нас делу — земледелию. Он научил нас сеять, ухаживать за посевами, квасить капусту, хранить урожай. Научил девочек вязать кружева, вышивать. Сам делал для нас вязальные крючки.

Он же помогал организовывать у нас пионерский отряд.

РУССКИЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ

комсомольскую ячейку, партийную организацию.

Все, кто так или иначе сталкивался с русскими людьми, первыми приехавшими к нам, на Камчатку, с одной бескорыстной целью — помочь строить новую жизнь, — сохранили о них в душе самые теплые воспоминания.

И я лично испытываю к ним самую горячую благодарность за все, что они сделали для меня. А сделали они для меня необычайно много. После окончания школы повезли учиться в Ленинград, в Институт народов Севера. Разве бы я одна туда добралась? Я ведь и по-русски-то не могла толком говорить. Была тогда полудикой, полуграмотной дочерью Севера.

В Ленинграде я получила среднее специальное образование, приобщилась к достижениям современной культуры и культуры наших северных народов, встретила со множеством интереснейших людей и с некоторыми из них подружилась на всю жизнь. Одна из встреч произвела на меня просто неизгладимое впечатление. Это была встреча с замечательной русской женщиной — Надеждой Константиновной Крупской. До сих пор, как самую дорогую реликвию в жизни, я храню фотографию, на которой я, молодая еще девушка, снята вместе с женой, помощником и другом В. И. Ленина — Н. К. Крупской.

В 1938 году, после окончания института, по путевке комсо-

мола я приехал в Олюторский район, в с. Апука, на корякскую культбазу. И опять счастливая встреча с еще одним замечательным представителем русского народа — Петром Ивановичем Скворцовым, который был в то время начальником культбазы.

Первое, что в нем поразило,

когда Петра Ивановича перевели от нас в райисполком, мы долго сожалели об этом.

Но жизнь на культбазе продолжалась, бурная, напряженная, дружная и веселая. И делали ее такой русской специализации, приехавшие к нам: учителя, врач, ветврач, агроном, зоотехник, электрик.

Особенно запомнился учитель, Михаил Степанович Седанко. Он организовал струнный оркестр. А я организовала ансамбль из 15 человек, ставила танцы разных народов. Что любопытно, все русские вообще не стремились подавлять нашу северную культуру, а, напротив, с большим интересом и вниманием изучали ее и были первыми ее пропагандистами. Это мне потом очень помогло в моей дальнейшей культурно-просветительной деятельности в наших северных краях.

Лидия Александровна Ушакова тоже была замечательным учителем, воспитателем, культработником. Она тоже многому научила нас, женскую часть коренного населения. Как одеваться, как соблюдать чистоту и порядок в жилище, личную гигиену. Мы очень любили слушать сказки, стихи и песни в ее исполнении. Она вместе со школьниками взялась за составление словаря корякского языка. Думается, это был первый словарь подобного рода на Камчатке. Л. А. Ушакова активно боролась за ликвидацию неграмотности местного населения. А мы все жадно учились, хотели жить по-новому. Тянулись к свету знаний.

Не могу умолчать еще об одной встрече, сыгравшей особую роль в моей личной жизни. Я работала тогда уже в Палане, в школе. И приехал к нам директором Степан Григорьевич Лукашкин. Молодой, кудрявый, очень видный собой и привлекательный человек. Он сразу запал мне в душу.

А я... я была в то время просто в отчаянном положении. Мой муж только что утонул. Осталось двое крошечных сыновей на руках. Славику — один год и Юре — три. Шла война. Есть совсем было нечего. А тут эпидемия дизентерии. Мы были все истощены до предела. Лежали дома шестые сутки, без помощи, ждали конца.

И вот, как сейчас помню, 1 сентября пришел к нам домой Степан Григорьевич. Увидел, в каком мы бедственном положении, завернул в одеяло моих сыновей — и в больницу. «Они будут жить. Мы все сделаем, что в наших силах», — успокаивал он меня.

В больнице мне сказали: «Поможет только срочное переливание крови». И Степан Григорьевич трижды дал своим детям свою кровь, спас тем самым моих ненаглядных крошек. Выходил и меня.

Мои дети звали после этого Степана Григорьевича папой. Он взял на себя все заботы о нашей семье. Был для нас близким и дорогим человеком. А вскоре Степан Григорьевич стал для моих детей настоящим отцом, а для меня мужем. И мне кажется, не было счастливее нашей семьи на всем белом свете. Настоящей интернациональной семьи. Вот ведь какое бывает переплетение судеб.

Степан Григорьевич научил наших детей, а их у нас было всего пятеро (трое сыновей, две дочери) тому доброму и полезному, что умел и знал сам. А умел он, мне кажется, все на свете. Охотиться, ловить рыбу, выращивать картофель и разные другие овощи...

В Палане (это в окружном центре!) не было тогда еще и парикмахерской, и отец сам подстригал всех нас.

Любил всех детей одинаково. Всем дал образование, поставил на ноги. И дети платили ему большой признательностью. Когда вырос Юрик, он вспомнил, как папа еще в четвертом классе подарил ему гармонию и научил играть на ней. Затем он научился играть на баяне, аккордеоне, гитаре. Стал хорошим музыкантом, певцом, артистом прославленного ансамбля «Мэриго». Выступал в Кремлевском Дворце съездов, объездил с концертами всю страну. А на зональном смотре в Магадане нашему сыну вручили за исполнительское мастерство золотую медаль.

Но еще больше привязался к отцу средний сын, Славик. Запомнилось, какие трогательные письма писал он во время службы в армии своим дедушке и бабушке: «Спасибо вам, что вы вырастили такого хорошего и любимого нами папу».

Очень любил муж и нашу дочь, Александру, которая стала врачом...

...Нет, никак не вяжется облик всех встреченных мною русских с тем, который рисует эстонский профессор. Они не были любителями пожить за чужой счет, а, наоборот, отдавали нам все последнее, что имели, были очень трудолюбивыми, добрыми, невозможно переоценить все, что они сделали для нас.

И я лично всем хорошим, и даже самой жизнью, обязан им. Трижды меня спасали от смерти русские врачи. Русские учителя, специалисты, мой муж помогли мне овладеть той профессией, к которой я стремилась всю свою жизнь, — учителя и культработника. Теперь я заслуженный работник культуры РСФСР, имею немало правительственных наград, Почетных грамот, почетная гражданка Олюторского района, персональная пенсионерка республиканского значения, ветеран партии с 1942 года. И многие другие, кого я знаю, такие же бывшие дети тундры, как и я, стали учителями, врачами, зоотехниками, знатными оленеводами. Есть среди них и писатели, и художники, и даже известный капитан — промысловик. А как разительно переменялись за годы Советской власти наши быт, условия труда, уровень жизни! Разве можно сравнить то, что мы имеем сейчас, с тем, что было 70 лет назад?

И сейчас, когда началась настоятельная кампания клеветы на русских, на нашу дружбу, на весь наш Советский Союз, мне хочется сказать всем, думается, с высоты своих прожитых 73 лет жизни я имею на это право: люди, будьте благодарными, не теряйте головы, не дайте своим сердцам ожесточиться, храните, как зеницу ока, самое дорогое, что у нас есть, — нашу братскую дружбу с русским народом.

Т. ЛУКАШКИНА,

НА СНИМКЕ: Т. П. Лукашкина (слева) в кругу земляков.

Фото М. ЖИЛИНА.